

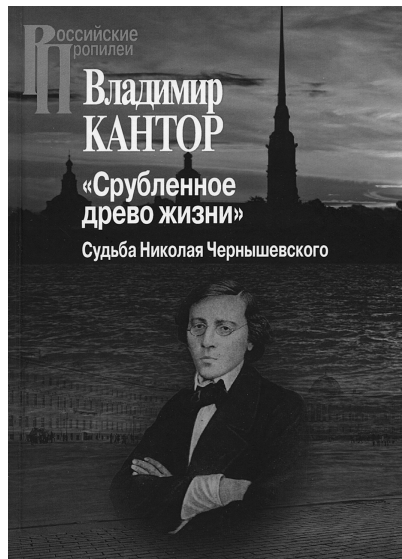
ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

Кантор В.К. СРУБЛЕННОЕ ДРЕВО ЖИЗНИ: СУДЬБА НИКОЛАЯ ЧЕРНЫШЕВСКОГО (Сер. “Российские пропилеи”). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 528 с.

Обращаясь к истории России, мы часто сталкиваемся с мифами. Они настолько устойчивы, что порой не представляется возможным их развеять, даже сопоставляя с обнаруженными фактами. Беда еще и в том, что в советское и постсоветское время наши историки мысли писали в соответствии с предложенной властью мифологической парадигмой. Вряд ли в ближайшие десятилетия кто-то возьмет на себя смелость перечитать статью В.И. Ленина “Памяти Герцена” (1912). Зато многие с удовольствием перечитают ее ироническое переложение в стихах, блестяще представленное по этому Наумом Коржавиным:

Любовь к добру разбередила
сердце им.
А Герцен спал, не ведая про зло...
Но декабристы разбудили Герцена.
Он недоспал. Отсюда все пошло.
И, ошалев от их поступка дерзкого,
Он поднял страшный на весь мир
трезвон,
Чем разбудил случайно Чернышевского,
Не зная сам, что этим сделал он.
А тот, со сна, имея нервы слабые,
Стал к топору Россию призывать...

Так вполне издевательски поэт пересказал сей миф российской истории. В примечании к стихотворению Коржавин оговаривается, что испытывает к реальному Герцену “благоговение и любовь”. Насколько мне известно, Наум Коржавин Чернышевского даже не открывал, настолько въелось в

сознание российских интеллектуалов презрение к этому человеку. Заметим, что русских независимых мыслителей советская власть не только высылала и казнила. Она так переиначивала их идеи, что те становились не только неузнаваемыми, но и как бы опровергающими основной посыл их творцов. Надо ли утверждать, что интерпретация российской философии и истории, предпринятая Лениным и продолженная на протяжении 70 лет коммунистического господства его учениками, не выдерживает никакой критики. Тем не менее, мифы всегда устойчивы и подменяют в нашем сознании подлинную реальность.

Возможность критически взглянуть на одну из наиболее не-

справедливых мифологических трактовок дает нам недавно вышедшая книга философа и историка русской мысли В.К. Кантора. Она развеивает множество мифов, заслонивших реальную позицию отечественного публициста, философа и писателя Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889). Автор изучил множество архивных материалов, которые позволили воссоздать трагическую биографию мыслителя, обозначить его место в российской истории не только XIX, но и XX веков. Книга В.К. Кантора начинается с отсылки к роману В. Набокова “Дар”, где писатель попытался на свой лад препарировать жизнь Чернышевского. В этом пародийном тексте был еще один смысл — напомнить о писателе в годы забвения. С Николаем Гавриловичем трудно было расстаться. Герой “Дара”, эстет с пародийной фамилией Годунов-Чердынцев, написал пасквиль на жизнь мученика. Но сам Набоков в следующем своем романе “Приглашение на казнь” в судьбе Цинцината показывает иное понимание судьбы Чернышевского, который, как и Цинцинат, был осужден за “мысленное преступление”, вменявшееся среди прочих осужденным по 58 статье. Оказывается, мученическая жизнь Николая Гавриловича принадлежит не только прошлому: она предложила как бы парадигму преследования независимых мыслителей в авторитарных обществах. Отличительная особенность книги В.К. Кантора — неподвзятая правдивость.

Судьбу и позицию мыслителя во многом определило место его развития, где он провел детство и юность — провинциальный Саратов XIX века. Автор книги погружается в прошлое и рисует атмосферу провинциального города, одолеваемого разбойниками и помящего бунташные набеги Разина и Пугачева. Отец будущего мыслителя Гавриил Чернышев-

ский был просвещенным уважаемым саратовским священником, протоиереем. Правящим епископом на него возлагалась обязанность способствовать примирению, если в каком-либо из подведомственных ему храмов возникали конфликты.

Его единственный сын был отдан учиться в семинарию. До этого он получил основательное домашнее образование. Чернышевскому не нанимали учителей со стороны. Учителем и наставником, с которым он сохранил на всю жизнь добрые и откровенные отношения, был сам отец. В.К. Кантор подчеркивает, что настоящим волжанин Николай среди сверстников выделялся ловкостью и физической силой. Отличался он и пристрастием к чтению. Читал он запойно. Сам себя называл “библиофагом”. Обладая прекрасной памятью, он усваивал прочитанное блестяще, запоминая на всю жизнь, поражая современников широтой и глубиной знаний. Надо отметить, что в эти годы он выучил десять языков. Стоит подчеркнуть (для современного читателя, видящего зачастую в Чернышевском малознающего бурсака), что кроме современных европейских, а также обязательных для семинариста латыни и древнегреческого, он знал татарский, арабский и персидский. Расположенный на Волге Саратов был своего рода фронтиром, где сходились Евropa и Азия (как писал об этом В.В. Розанов в книге “Русский Нил”).

В Саратовской духовной семинарии он показал такие блестящие результаты, что о них не раз докладывали правящему епископу, который называл Николая надеждой русской церкви и прочил ему большое будущее. Но отец решил по-другому. Испытав на себе дрязги и интриги клерикальной среды, он понял, что лучше будет, если сын получит светское образование. В 1846 году Николай получил увольнение и вместе с ма-

терью отправился в Петербург, где поступил в университет на философский факультет (отделение общей словесности). Учеба давалась ему легко, но много времени он отдавал упорной работе над изобретением “вечного двигателя”, который, по его мнению, должен был значительно облегчить жизнь человечества. Понадобилось несколько лет, чтобы он осознал тщету этих намерений и забросил “машину”. В период учебы пережил юношеский кризис, увлекшись Людвигом Фейербахом с его “Сущностью христианства” и Давидом Штраусом, автором трактата “Жизнь Иисуса”. Об этих книгах много позже он беседовал с Александром Ивановым, создателем грандиозной картины “Явление Христа народу”. В этом эпизоде отразилось единство исканий русской духовной культуры.

В университете Чернышевский больше всех ценил двух профессоров — А.В. Никитенко и И.И. Срезневского. У Никитенко он защитил кандидатскую диссертацию о “Бригадире” Фонвизина, а потом свою знаменитую диссертацию “Эстетические отношения искусства к действительности”. Срезневский поручил ему составить словарь к Ипатьевской летописи, который был опубликован в 1853 году.

Окончив в 1850 году университет, Чернышевский вернулся в Саратов, где начал преподавать в гимназии. Казалось бы, жизнь потекла спокойно и размеренно. Ученики к нему относились с любовью, родители души не чаяли в сыне, который упорно продолжал заниматься самообразованием. В 1853 году он познакомился с дочерью врача, Ольгой Сократовной Васильевой, которую сразу полюбил. В Саратове красавица Ольга имела репутацию фривольной и свое нравной девицы. Брак Чернышевского нельзя назвать удачным, но любовь к жене, несмотря на то, что она временами изменяла ему, он сохранил на всю жизнь. Он был

цельной, волевой натурой, надежденной многими талантами. Владимир Соловьев, много размышлявший и о вечной женственности и о смысле любви, написал гениальный трактат, в котором многое может рифмоваться с судьбой Чернышевского, где, к примеру, проговорил такое: “Но чтобы не оставаться мертвою верой, ей нужно непрерывно себя отстаивать против той действительной среды, где бессмысленный случай созидает свое господство на игре животных страстей и еще худших страстей человеческих. Против этих враждебных сил у верующей любви есть только оборонительное оружие — терпение до конца. Чтобы заслужить свое блаженство, она должна взять крест свой. В нашей материальной среде нельзя сохранить истинную любовь, если не понять и не принять ее как нравственный подвиг. Недаром православная церковь в своем чине *брака* поминает святых *мучеников* и к их венцам приравнивает венцы *супружеские*”. Чернышевский и носил венец мученика и как муж и как безвинный политический страдалец.

В книге В.К. Кантора впервые предпринята попытка демифологизации жизни и идей одного из крупнейших мыслителей России, пожалуй, с самой трагической судьбой. Власть подарила ему 20 лет Сибири вдали не только от книг и литературной жизни, но и просто от развитых людей. Он прошел путь от реформатора и постепеновца, блистательного мыслителя, сына протоиерея, человека, вернувшего России идеи христианства в обличье современного ему позитивизма, до литератора, вызвавшего к жизни идеологический роман (М. Бахтин). В его идее разумного эгоизма видели злобный утилитаризм, хотя это была перефразировка знаменитой формулы Христа: “Возлюби ближнего твоего, как самого себя”, ибо ненавидящий себя, не знающий чувства любви, будет ненавидеть

и других. Это поразительная история человека, ни разу не униженного до просьбы о помиловании, обладавшего невероятным чувством личного достоинства (каких мало было везде и всегда), — из которого власть создала фантом революционера, что способствовало развитию тех сил, против которых выступал Чернышевский. Бесы заняли место реформатора. В судьбе мыслителя, как ее изображает В.К. Кантор, мы видим трагедию русского христианского просветительского реформизма. Что деятельная натура такого масштаба должна была оказаться в полном смысле слова государственной, прекрасно понимал Розанов. В.К. Кантор в целом стоит на сходной точке зрения, но только у него свой, не очень радостный, но и не безнадешный, обогащенный новым опытом взгляд на историю.

В.К. Кантор раскрывает запутанную интригу, повлекшую арест и осуждение Чернышевского. 7 июня 1862 года Чернышевский был арестован и отвезен в Алексеевский (секретный) рavelин Петропавловской крепости. Бывают странные сближения, как писал Пушкин. Именно в этот день Достоевский подарил Герцену свои “Записки из Мертвого дома”. Четыре месяца Чернышевскому не могли предъявить никаких обвинений: не было фактов. В.К. Кантор ярко обрисовал провокатора Всеволода Костомарова, сыгравшего трагическую роль в судьбе мыслителя, написавшего не просто донос, а клевету, сочинившего, в духе Эжена Сю и Конан Дойла, по сути дела роман о страшном злодее, своего рода профессоре Мориарти. Бесправие человека и произвол жандармов, в первую очередь начальника 3-го отделения и шефа жандармов Петра Шувалова, яростно искавшего доказательств вины Чернышевского, его влияние на императора Александра II, — все эти второстепенные факторы привели к осуждению и практически к

пожизненному заключению. Именно по подлости Шувалова Чернышевский провел 20 лет на каторге и в поселении (Вилуйск), бывшем хуже каторги.

Подвигом Чернышевского можно назвать роман “Что делать?”, созданный им в период заключения в Петропавловской крепости. Он не считал себя писателем и был далек от того, чтобы тешить свое честолюбие. Он решил начертать срединный путь для российской молодежи, облекая свое видение ее судеб в художественную форму. На смену чреде литературных героев, которых Белинский метко назвал “лишними людьми”, благодаря Чернышевскому пришли труженики — Лопухов, Кирсанов, Рахметов, Вера Павловна. Их никак нельзя назвать “лишними”. Деятели Земского движения, научная элита, педагоги и врачи, преобразовавшие Россию, так или иначе откликнулись на призыв Чернышевского. Он был живым примером стойкости и трудолюбия. Те восемь с половиной лет, которые он трудился в некрасовском “Современнике”, не прошли даром. Его литературно-публицистические статьи и переводы, его роман, при всех своих художественных недостатках, стали хлебом насущным для молодежи.

Автор не проходит мимо травмы, которой подвергался Чернышевский со стороны писателей-дворян. Это был не просто конфликт поколений, а конфликт привилегированного класса с входившим в культуру разночинцем. Разночинцы были, как правило, из духовного сословия. Чернышевского называли “клоповоняющим господином”, подчеркивая его семинарское происхождение. В.К. Кантор перечисляет имена великих деятелей русской культуры, вышедших из духовного сословия. Это и граф Сперанский, и лицейский профессор Куницын, и критик Николай Страхов, и Белинский — внук священника (как, кстати, вну-

ЛИСТАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ

ком священника был и гениальный Достоевский). Это и великие историки — В.О. Ключевский и С.М. Соловьев, писатели Варлам Шаламов и Евгений Замятин...

Поразительно благородство, с которым Чернышевский относился к этой травле. Его стойкость, проявленная им во время заключения, нежелание писать покаянные прошения императору вызывают удивление и уважение. Ему пришлось испытать на себе самое страшное — в ссылке ему было запрещено писать. Но он продолжал это делать, уничтожая потом написанное, чтобы не попало в руки жандармам. Условия заключения в Вилуйске, где он провел двенадцать лет, в каком-то смысле были хуже, чем в сталинских концлагерях XX века. Это место не случайно именовали “долиной смерти”. Там гуляла цинга, местные жители постоянно болели холерой.

Представление о климате Вилуйска дают воспоминания В.В. Беренштама, побывавшего там после смерти Чернышевского: “Да и вообще в Вилуйске хуже жить, чем в Якутске. Была прямо погибель. Овощей никаких. Картофель теперь привозят издалека скопцы по 3 рубля пуд. А тогда было дороже. Но Чернышевский не покупал его совсем, потому что дорого. Зимой там все больше ночь, а летом все больше день. Зима там такая, что если плюнуть, то плевков, не долетая до земли, замерзает. Даже якуты ездят в меховых масках. Только глаза видны... Летом в комнате стоял дымок — горшок со всяким тлеющим хламом — коровьим калом и листьями (там летом на улицах ставят дымокуры, так как страшнейшее комарье — скот заедает!) Днем и ночью дымокуры — в домах; смрад дыма отгоняет комаров. Если взять белый хлеб, то сразу мошка так обсыдет густо, что подумаешь, будто икрой вымазан...”

В книге история заточения Чернышевского привлекает вни-

мание обилием ярких деталей. В качестве ее персонажей выступает множество живых людей, о которых далеко не беспристрастный автор говорит жестко или с восхищением, не отказываясь, вопреки многим канонам, от морального суждения. Слишком долго имя Чернышевского окормляло его противников. Необходимо было увидеть носителя этого имени в его подлинности, расколдовав фантом, который подарила ему злая судьба. Сквозь призму жизни и трагедии Чернышевского в книге высвечиваются некоторые важные грани столь сложной для понимания европейцев России. Похоже, что автор ставил перед собой особую задачу — вернуть русской мысли ее сущностное и общеевропейское звучание. Именно люди такого уровня и калибра, как Чернышевский, высвечивают подлинный масштаб России.

Теперь, когда наконец-то появилась полная и реальная биография этого человека, настало время оценить его подвиг как мыслителя. Он был властителем дум российской молодежи и вызывал яростное отторжение представителей дворянства не только XIX века. Любя Россию, он произнес горькие, но правдивые слова о ней в незаконченном романе “Пролог”: “Жалкая нация, жалкая нация! Нация рабов — снизу доверху все сплошь рабы...” Ненависть Александра II к Чернышевскому была абсолютно иррациональна. Узнав в 1881 году о его гибели, мыслитель сказал: “Жаль. Хороший был царь”. Он оставался христианином, верным заповедям Христа. На ненависть не отвечал ненавистью.

В том же году международная общественность поставила перед императором Александром III вопрос об амнистии Чернышевского. Но лишь спустя два года он был переведен из Вилуйска в Астрахань под надзор полиции. И в этом акте проявился садизм влас-

тей — по их расчетам, после ледяной Якутии в жарком климате Астрахани мыслитель не мог долго продержаться. Он, однако, продолжал работать.

Книга В.К. Кантора побуждает пересмотреть многие из привычных представлений. Так, император Александр II в российской историографии всегда воспринимался как царь-освободитель, реформатор, верный заветам своего наставника В.А. Жуковского. Но его необъяснимая ненависть к Чернышевскому, стремление во что бы то ни стало сломить его, заставляют нас переосмыслить отношение к нему. Возможно, одной из причин нелюбви царя к Чернышевскому, считает В.К. Кантор, была подчеркнутая независимость мыслителя.

За осужденного писателя пытался заступиться Достоевский, понимая, что он реформатор, враг бесов, а не существующего строя. После смерти мыслителя глубоко и проникновенно о нем писал великий русский философ Владимир Соловьев. А Василий Розанов сказал: «Конечно, *не использовать* такую кипучую энергию, как у Чернышевского, для государственного

строительства — было преступлением, граничащим со злодеянием. <...> В одной этой действительно замечательной биографии мы подошли к Древу Жизни: но — взяли да и срубили его. Срубили, “чтобы ободрать на лапти” Обломовым».

Всю жизнь Чернышевский не расставался с Библией, которую знал хорошо, и с двумя личными иконами — Богоматери и Христа. Безусловно, он был христианином. Он не предьявлял, подобно героям Достоевского, счетов к Богу, не роптал. Не осуждал ни своих гонителей, ни супругу, причинявшую ему боль своим легкомыслием. Исследование В.К. Кантора убедительно повествует о том, что он страдал невинно — был мучеником за правду. Поэтому книга отсылает нас к произведениям Чернышевского, призывая по-новому, без предубеждений перечитать их, чтобы понять — сохранили ли актуальность его статьи и книги сегодня? Действенен ли и поныне его призыв — изменить прежде всего себя, чтобы к лучшему изменилась жизнь вокруг нас?

© 2017 С.С. БЫЧКОВ,
доктор исторических наук

С. Бычков
Кантор В.К.
Срубленное
древо жизни

НОВЫЕ КНИГИ

Нефедова М.Е. **Мирыне — кто они? Как в Православии найти самого себя. Современные истории.** М.: Ника, 2016. — 336 с.

Синельников В.В. **Таинственная сила слова. Формула любви. Как слова воздействуют на нашу жизнь.** М.: Центрполиграф, 2016. — 256 с.

Тойч Д.М., Тойч Ч.К. **Отсюда к великому счастью, или Как улучшить вашу жизнь навсегда!** / Пер. с англ. М.: Издатели Т.М. Сорина, Б.И. Сорин, 2016. — 336 с.

Табари Ш. **Дети — зеркало нашего тайного “Я”. Как на самом деле сделать счастливым себя и своих детей** / Пер. с англ. М.: АСТ, 2016. — 377 с.

Чижов М. **Константин Леонтьев.** М.: Ин-т рус. цивилизации, 2016. — 192 с.

Шкуратов В.А. **Историческая психология: Кн. 1: Введение в историческую психологию.** 3-е изд., расш. М.: Кредо, 2015. — 244 с.